

An aerial photograph of a vast mountain valley. In the foreground, a wide, light-colored river flows through the valley. In the middle ground, a large, calm lake is nestled in a valley. The background is dominated by high, rugged mountains with patches of snow and glaciers. The terrain is mostly brown and rocky, with some green vegetation in the lower valleys.

Николай Шамрин

За речку

An aerial photograph showing a wide river delta. The river branches out into many smaller channels, creating a complex network of waterways. The land between the channels is mostly green, with some brown patches of soil or sand. A small village with many houses is visible on the right side of the image. The overall scene is a mix of natural and human-made elements.

16+

Николай Шамрин

За речку

«Автор»

2021

Шамрин Н.

За речку / Н. Шамрин — «Автор», 2021

Эта повесть афганская, хотя она не о боевых буднях. В ней рассказывается о людях, с которыми автору довелось встретиться по дороге в ОКСВА. Хорошие они или плохие, судить читателю. В повести нет приукрашенных героев, нет там и персонажей с преувеличенными негативными чертами характеров. Они такие, какими были в далёкие восьмидесятые годы прошлого века. Изменены лишь имена и фамилии действующих лиц. Всё остальное - чистая правда.

© Шамрин Н., 2021

© Автор, 2021

Николай Шамрин

За речку

Глава 1. Это наш с тобой долг, капитан ...

Вызов к командиру полка не стал для меня из ряда вон выходящим событием: несмотря на разницу в возрасте и служебном положении, между нами с первого дня сложились нормальные отношения, которые с небольшой натяжкой можно было назвать приятельскими. Мы иногда даже выпивали у него в кабинете. Правда, я никогда не переступал известную черту, чтобы не давать повода к злословью. Тем не менее, сослуживцы знали о покровительстве командира танкового полка командиру мотострелковой роты и находили это странным, поскольку негласное и, откровенно сказать, бессмысленное соперничество между танкистами и пехотой стало притчей во языцех ещё с момента появления танков на полях сражений Первой мировой войны.

Время шло к перерыву на обед, я вместе с экипажами заканчивал проверку готовности учебно-боевых машин к послезавтрашним стрельбам и уже подумывал о предстоящем заступлении на дежурство, поэтому появление на площадке штабного писаря несколько сбило меня с толку.

– Ты ничего не перепутал? – Спросил я, выслушав сержанта. – Может, полковник имел в виду инструктаж?

– Командир наряд не инструктирует. – Резонно заметил писарь. – Представляете? Сам в чертёжку зашёл, посмотрел, что да как, а потом за вами в парк послал. Как будто мне больше делать нечего! Мало ему посыльного, что ли?

– Командиру виднее. Не знаешь, зачем я вдруг понадобился?

– Откуда? – Пожал плечами штабной, но тут же спохватился. – Хотя вы знаете? – Загадочным голосом протянул он. – После него начальник штаба позвонил и приказал вас с наряда снять. Заменить, я хотел сказать. Вы бы поторопились, товарищ капитан. Сами знаете, что командир не любит, когда опаздывают. Десять минут мне дал, а уже все двадцать прошло, пока я вас разыскал. Вы уж меня не выдавайте, товарищ капитан. Хорошо? Я только за сигаретами в чайную забежал и сразу в парк.

– Не бойсь, Серёга, не выдам! Так и быть, приму огонь на себя.

«Ну вот и всё. – Думал я, торопливо взбегая по лестнице на «командирский» этаж. – Не иначе, приказ пришёл. Других вариантов нет. А что ты хотел? В кадрах армии сразу сказали, что больше чем на три месяца не рассчитывал. А я уже почти на семь задержался. Слава Богу, «договорную» квартиру успели получить. Хоть крыша над головой есть. По нынешним временам – большая удача. К тому же определённая появилась. Жить в постоянном ожидании – ещё то удовольствие. Интересно, куда меня направят?»

– Разрешите войти? – Произнёс я, приоткрыв дверь кабинета.

– Заходи, присаживайся. Докладывать, кто ты такой, не надо. Без тебя знаем. – Пошутил подполковник из-за двери. Видимо, он был в хорошем настроении, поскольку не стал выговаривать за опоздание.

– Извините, товарищ полковник. – На всякий случай отчитался я. – В парке был. Машины к стрельбам готовили. Занятия по огневой послезавтра.

– В парке? – Удивился командир с таким видом, как будто присутствие офицера-мотострелка в парке боевых машин, нечто из области фантастики. – Ну-ну. И что? Подготовил?

– Так точно. Послезавтра выверку прицелов на полигоне произведём и можно начинать. Я сегодня на директрису планировал выехать, но неожиданно в наряд назначили.

– Ты вот что, капитан! – Слегка помрачнел лицом подполковник. – Не спеши с нарядом и с занятиями. Начальник штаба тебя уже заменил, а занятия по огневой комбат проведёт.

– Что-то случилось? – Поинтересовался я, заранее зная ответ.

– Случилось. Приказ на тебя буквально час назад пришёл. Не понимаю, чем вызвана спешка, но велено дела и должность передать в сжатые сроки и убыть в распоряжение командующего Туркво. Ну, а дальше сам знаешь куда. Так что пришло твоё время интернациональный долг исполнить. Чего погрустнел, капитан? – Решил подбодрить меня командир. – В конце концов, долг офицера-коммуниста – выполнять приказы партии и правительства. Ничего. Съездишь за речку на два годика, вернёшься весь такой в орденах и медалях. Как знать? Может, и я через полгода вслед за тобой поеду.

Мне вдруг стало неловко и одновременно смешно, но я собрался и ответил со всей серьёзностью и даже с некоторым нахальством:

– Спасибо, товарищ полковник, но уговаривать меня не надо. Я, в принципе, давно готов. Ещё когда из Забайкалья сюда менялся. Вопрос разрешите?

– Если насчёт отдельной квартиры, то лучше не начинай. – Занервничал командир. – Сам знаешь: жилфонд распределяет дивизионная комиссия. Только распределять нечего. Последний дом для военных лет пять назад сдали. Вряд ли тебе что-нибудь дельное предложат.

– Вам, товарищ капитан, – вмешался в разговор до сих пор молчавший замполит полка, – завтра надо будет прибыть в политотдел дивизии. Начальник приглашает на беседу откомандированных офицеров. Думаю, есть смысл задать вопрос ему. Сергей Владимирович – руководитель новой формации, демократичный, к тому же недавно назначенный на должность. Если кто и сможет решить жилищный вопрос, то только он.

– Я не про квартиру. Жилплощадь у меня есть. Пусть по договору, но всё-таки. Так что особо на политотдел не рассчитываю. Вопрос, конечно, задам. Так. Для очистки совести и отчёта перед женой.

Выслушав мою речь, командир вздохнул с видимым облегчением и произнёс совершенно другим тоном:

– Говори, капитан. Обещаю: помогу, чем смогу. Чай не к теще на блины собрался.

– Советск – городок небольшой. – Начал я с прописной истины, вызвав улыбки у присутствующих. – С работой для женщин большие проблемы. Я-то уеду, а жена останется без денег, без работы ...

– Понятно! – Тут же прервал подполковник. – Насчёт трудоустройства жены не беспокойся. У нас в строевой части как раз бабская вакансия образовалась. Маринка на днях в декрет уходит. Так что пускай твоя половина через неделю приходит. Тебя проводит и сразу ко мне. Писать – читать умеет? Не обижайся, шучу. У тебя всё? Тогда свободен. Иди дела сдавай.

На выходе из штаба я лицом к лицу столкнулся с командиром батальона.

– Ты чего без разрешения к командиру бегал? – Чуть заикаясь, сердито спросил майор. – Смотри, добегаешься у меня!

Комбат принял должность совсем недавно. Его перевели к нам из мотострелкового полка дивизии по семейным обстоятельствам. Впрочем, Глушаков не делал секретов из этих обстоятельств: застав жену с любовником, он выпорол обоих португеей, а следующим утром написал рапорт на самого себя, требуя привлечь к партийной и служебной ответственности. Командир полка, зная о странностях подчинённого, спорить не стал и, что называется, дал ход бумаге. Дивизионное начальство скандал раздувать тоже не стало, но на всякий случай перевело Глушакова в наш полк. Узнав о назначении, мы с некоторым опасением ждали майора. Но, к нашему удивлению, Сергей Викторович оказался вполне толковым командиром и очень порядочным человеком.

– Вот, товарищ майор. – Отступив назад, вручил я выписку из приказа. – Приказ пришёл. Так что зря вы на меня набросились. Я не напрашивался. Командир сам вызвал.

Глушаков нервным движением выхватил бумагу, быстро пробежал содержание и с озабоченным видом поинтересовался:

– Когда?

– Как только, так сразу. Сдам дела, должность и в Ташкент.

– Понятно. – Отмахнулся майор. – Не переживай. В конце концов...

– Это мой долг перед партией и правительством. – Продолжил я, не дав договорить комбату. – Я в курсе.

– Вот как? – Удивлённо вскинул брови Глушаков. – А партия и правительство не хочет тебе долг в виде квартиры отдать? Кстати, по закону положено.

– Не знаю. Замполит посоветовал к новому начальнику политотдела обратиться. – Неуверенно пробормотал я. – Завтра всех откомандированных собирают. Говорит, что начпо может помочь. Руководитель новой формации и всё такое ...

– Отдельный дом для тебя построят? – Саркастически усмехнулся майор. – Ага. Разбежались. Ладно. Иди уже. После обеда ко мне. Сроки обсудим. Кстати, ты представляешься собираешься?

– Обязательно! Как только акты утвердите. Раньше нельзя. Говорят, приметы плохая.

Саша хлопотала у стола, а заодно рассказывала о своих хождениях по мукам:

– Ты представляешь? Я прихожу в садик, а заведующая говорит, что мест нет, а если даже появятся, то всё равно ребёнка не возьмут.

– Почему?

– Потому что я не работаю. Знаешь? Мне иногда кажется, что мы не в Союз вернулись, а в чужую страну. Квартира по чистой случайности досталась, работы для меня нет, в детский сад ребёнка не берут. Даже думать не хочется, что дальше будет.

– Всё образуется. У Лёшки Будника жена тоже не работает, а сын ходит в садик.

– Правильно. Ходит. – С иронией поддакнула Саша и тут же с опаской взглянула в мою сторону. – Ты только не злись. Я спросила у заведующей, почему так. А она мне говорит, что Будник солдат ей давал на целую неделю для ремонта. И краски, чуть ли не цистерну привёз. Алексей ради семьи на всё готов. Но ты ведь по-другому устроен. Ты ведь не будешь заведующей солдат давать?

– Не буду ...

Я не собирался сегодня сообщать жене о приказе. Не потому, что боялся неизбежных и бессмысленных выяснений отношений. Просто чувствовал, что сам морально не готов. «В конце концов, не стоит рубить с плеча. – Рассуждал я, глядя на хлопчущую Сашу. – Сегодня скажу, что командир полка предлагает работу в строевой части, а завтра видно будет».

Видимо, у меня на лице было написано нечто, заставившее Сашу насторожиться. Она словно почувствовала неладное:

– У тебя на службе неприятности или я зря про садик рассказала? Что случилось? Не отмалчивайся, пожалуйста.

– Всё в порядке. Говорил, что всё образуется? Так вот: сегодня командир полка к себе вызывал. Сказал, что через неделю вакансия в строевой части появится. Интересовался, согласишься ли ты вступить в ряды Советской армии.

– Правда? – Не поверила жена. – Ты не шутишь?

– Правда. Такими вещами не шутят. Можешь считать себя танкистом. Или танкисткой. Давай, наконец, обедать? У меня дел невпроворот.

За семь месяцев службы в дивизии это был мой второй поход в политотдел на парткомиссию. В первый раз я вставал на учёт, а сегодня шёл сниматься. Это не плохо и не хорошо. Это нормально. На мой взгляд, система настроена так, что если рядового члена партии вдруг

приглашают на парткомиссию в период между постановкой и снятием с учёта, это означает, что к его моральному облику появились вопросы. Проще говоря, «товарисч» перестал понимать политику партии. Я, как и подавляющее большинство сослуживцев, относился к этому органу с уважением и опаской. Парткомиссия, конечно, не инквизиция, но что-то общее у них, безусловно, есть.

В коридоре политотдела царили тишина и покой. Красная ковровая дорожка подчёркивала значимость происходящих здесь событий, а дубовые, ещё прусской работы двери завершали торжественную картину партийной чистоты и непорочности. «Наверное, здесь принято разговаривать вполголоса. – Подумал я, остановившись перед дверью приёмной. – Тишина, как в библиотеке. Даже запах такой же. Только читателей не хватает. Неужели меня одного вызвали? Какая разница? Главное вести себя сдержанно. Не хватало ещё напоследок выговор схлопотать за нарушение партийной этики. Схема простая: пришёл, послушал, забрал документы и ушёл».

Собравшись с духом, я осторожно постучал в дверь.

– Входите. – Незамедлительно откликнулся вежливый, в меру строгий женский голос.

В просторной комнате с высокими арочными окнами за массивным столом сидела женщина лет сорока с классической причёской советской госслужащей конца шестидесятых. Она внимательно оглядела меня с головы до ног. Завершив осмотр, произнесла ровным, слегка приглушённым голосом:

– Сергей Владимирович начнёт приём ровно через восемь минут. Пожалуйста, присаживайтесь к остальным товарищам. Ожидайте приглашения.

Я огляделся: у стены под портретами классиков научного коммунизма в одинаковых позах сидели приглашённые офицеры. Молча кивнув товарищам, я присел на свободный стул и, словно под гипнозом, принял точно такую же позу, выпрямив спину и сложив ладони на коленях.

«Наверно, со стороны мы болванчиками выгладим. – Подумалось мне. – Или йогами. Нет. Скорее, болванчиками».

Сосед справа, молодой майор-связист, едва заметно повернул голову и прошептал одними губами:

– Ты сам-то видел нового начпо? Нет? Я тоже не видел. Говорят ...

– Товарищи коммунисты! – Строго взглянула в нашу сторону ответственный работник. – Пожалуйста, не забывайте, где вы находитесь. Прошу соблюдать дисциплину.

Мы одновременно кивнули и пристыжено опустили глаза. Дверь кабинета бесшумно отворилась: на пороге появился невысокий, слегка полноватый подполковник с невыразительным взглядом на чисто выбритом гладком лице:

– Софья Львовна. – Произнёс руководитель, почему-то глядя на портрет Михаила Сергеевича. – Давайте несколько поменяем планы. Я побеседую с каждым коммунистом индивидуально. В духе, так сказать, времени. Коррективы не слишком нарушат расписание?

Женщина неслышно поднялась из-за стола, благоговейно прижав руки к груди.

– Нисколько, Сергей Владимирович. Замечательно, Сергей Владимирович! У меня есть встречное предложение. Пока вы будете беседовать с первым приглашённым, остальные заполнят бланки заявлений на снятие с партийного учёта. Чтобы время зря не тратить. Товарищам останется только через два дня забрать открепительные талоны. Вы не возражаете?

– Через два дня, говорите? – Призадумался политработник. – Пожалуй, так даже лучше. Тогда и напутствовать будем. А сегодня обсудим личные просьбы, пожелания и проблемы. Это наша обязанность – вникать в нужды рядовых членов партии. Я буду готов ровно через минуту.

Хотя начальник политотдела тратил на обсуждение проблем каждого партийца не больше пяти минут, время для меня тянулось мучительно медленно. Я успел под руководством вез-

десушей Софьи Львовны заполнить необходимые документы и теперь героически боролся с зевотой, с завистью поглядывая в спину очередного приглашённого.

Наконец ответственный работник взглянула сначала на опустевшие стулья, затем на меня и, выждав две-три секунды, разрешила пройти в кабинет.

– Проходите, товарищ капитан. – Произнесла Софья Львовна, снова оценив мой внешний вид. – Поправьте галстук, пожалуйста. Мой вам совет: говорите кратко, по существу. У Сергея Владимировича очень много работы. Весь день расписан буквально поминутно.

Я молча пожал плечами, дескать, каждому своё, и, постучав, приоткрыл массивную дверь.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Да. – Устало выдохнул начпо. – Проходите, присаживайтесь. Много ещё народу в приёмной?

– Нет. Все уже ушли.

– Ну вот и хорошо. – Повеселел хозяин кабинета. – До обеда управимся. Что там у вас?

Я протянул выписку из приказа и присел на стул, стоящий в торце длинного стола.

– У меня, собственно, ничего такого. Вот ... в командировку отправляют.

Сергей Владимирович бегло просмотрел выписку, отложил документ в сторону и почему-то устался на моё правое плечо. Я тщетно пытался встретиться с ним взглядом, но глаза начпо были неуловимы. Игра в «гляделки наоборот» затянулась на полминуты.

– Даа ... – Наконец, протянул подполковник. – Партия и правительство доверило вам, товарищ капитан, выполнение почётной и, не стану скрывать, трудной задачи. Вы должны понимать, что командировка в состав ограниченного контингента советских войск, является почётным долгом коммуниста ...

Минут пять Сергей Владимирович вещал об обязанностях члена партии, затем, очевидно, устав и, окончательно проголодавшись, решил подвести черту.

– Пожалуй, на сегодня хватит. – Заявил он, взглянув на часы. – У вас есть просьбы, пожелания или что-нибудь ещё? Если нет, то, как говорится, не смею задерживать.

Я уже начал подниматься, однако отсутствующий взгляд и высокомерное «не смею задерживать», задели за живое.

«В конце концов, за спрос не бьют. – Подумал я. – Почему бы и не спросить насчёт квартиры? Так. На всякий случай. Даже комбат сказал, что по закону положено».

– Есть. – Немного поспешно ответил я. – Скорее просьба, чем пожелание.

– Вот как? – Удивился Сергей Владимирович, впервые посмотрев мне в глаза. – Ну что ж? Докладывайте, если есть.

От былой неуверенности не осталось и следа: я вдруг почувствовал прилив весёлого нахальства. В рамках разумного, конечно.

– Будьте уверены, товарищ полковник! – Пафосно заявил я, не сводя взгляда с погрустневшего лица начпо. – Как коммунист, я обещаю с честью и с достоинством выполнить задание партии. Ну а просьба... честно сказать, просьба у меня скромная. Я прошу в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Правительства обеспечить мою семью отдельной квартирой. Вот и всё. Больше у меня ни просьб, ни проблем не имеется.

Холёное лицо партработника слегка порозовело, глаза загорелись азартом. Он явно был готов к ответу.

– Всё верно, капитан. – Совершенно спокойно произнёс начпо, привычно уставившись в мой погон. – Такое постановление действительно есть. Но вы, как член партии, должны учитывать временные трудности в обеспечении военнослужащих жильём. Резерв разумеется есть, но он предусмотрен для особых случаев. Или у вас партбилет другого цвета? Шутка.

– Нет, товарищ подполковник. Партбилет у меня правильного цвета. И это не шутка. Я знаю про временные трудности и готов ждать. Но если со мной что-нибудь случится, то моя семья однозначно останется без жилья. Примеров уйма. Впрочем, вы сами знаете.

Подполковник нахмурился. Розоватые пятна на щеках стали красными. Было видно, что он с трудом сдерживает гнев.

– Если с вами, товарищ капитан, что-нибудь случится, я лично возьму на себя заботу о вашей семье. В конце концов, это наша обязанность. – Прикрыв глаза, начальник политотдела дал понять, что моё время вышло.

– Не забудьте, – доброжелательно улыбнулась Софья Львовна, – послезавтра вам надо быть здесь к двенадцати часам для получения открепительных документов и напутственного слова Сергея Владимировича. Убедительно прошу прибыть на встречу в парадно-выходной форме. Надеюсь, вы меня понимаете. Событие отнюдь не рядовое.

– Как скажете, Софья Львовна. Прибуду в парадно-выходной. В конце концов, это моя обязанность

Глава 2. Короткие провода

Как не откладывал я разговор с Сашей, но всему приходит конец. Объяснения можно было отложить ещё ненадолго, но, к сожалению, в день повторного визита в политотдел мне пришлось доставать из шкафа парадную форму.

– В полку строевой смотри? – Поинтересовалась жена. – С чего вдруг? До начала нового учебного года почти два месяца.

«И всё-то ты знаешь, – мелькнуло в голове, – недаром пять лет в Забайкалье «прослужила»».

– Нет. Смотра нет. – Буркнул я, пряча взгляд. – Просто меня в политотдел вызывают.

Саша выронила из рук тарелку и бессильно опустилась на табурет. Она всё поняла ...

Напрасно я убеждал жену, что командировка в Афганистан была ожидаема и неизбежна, напоминал, что мы сто раз обсуждали с ней эту тему и что я обязан выполнять долг перед Родиной. У Саши на всё был один, но железо-бетонный аргумент – слёзы. Самое ужасное, что за всё это время она не произнесла ни слова. Просто молча сидела, сложив руки на коленях, и тихо плакала, не замечая слёз.

– Хватит меня хоронить! – Не выдержав пытки, заорал я. – Я живой и собираюсь жить дальше. Вместе с тобой и дочкой. А когда вернусь, мы заделаем сына. Нет! Одного будет мало. Двух сыновей!

Странно, но мои вопли подействовали на жену, как сильнодействующее успокоительное: Саша вздрогнула, вытерла глаза и строго посмотрела мне в лицо:

– Правда?

– Конечно, правда. Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Хорошо. Только обещай, что обязательно вернёшься.

– Клянусь! – Совершенно серьёзно ответил я ...

Ровно в 11.45 я снова постучал в дверь приёмной. Дождавшись приглашения, вошёл в комнату и увидел Софью Львовну, выстраивающую приглашённых офицеров по ранжиру. Инструктор бросила на меня беглый взгляд, вероятно, прикидывая мой рост и одновременно определяя место в шеренге.

– Проходите товарищ капитан. – Произнесла ответственный работник, закончив осмотр. – Вот ваше место в строю. Надо же, какие сегодня высокие товарищи собрались! Хоть сейчас в почётный караул.

– Третьим будешь. – Хмыкнул знакомый майор-связист.

– Товарищи коммунисты! – Негодуя всплеснула руками Софья Львовна. – Вам не стыдно? Сейчас Сергей Владимирович выйдет, а вы ведёте себя как ...

Женщина замешкалась, подбирая подходящие слова, но продолжать не стала, поскольку в приёмную торжественно вступил начальник политотдела. Мне вдруг подумалось, что инструктор сейчас непременно подаст команду «Равняйся. Смирно». Но она лишь поправила причёску и отступила к столу.

– Всё, Сергей Владимирович. – Вполголоса отчиталась Софья Львовна. – Товарищи уже получили открепительные документы и расписались в ведомости. Я специально пригласила их на полчаса раньше.

Подполковник важно кивнул и, оглядев строй, подошёл к стоящему на правом фланге старшему лейтенанту с артиллеристскими эмблемами.

– Куда направляетесь? – Пожав руку и посмотрев на его правый погон, спросил политработник. – В гэсэвэгэ?

– Никак нет, товарищ полковник. В югэвэ.

– В Венгрию, значит? – Переспросил начпо. – Знаю. Сам лейтенантом там начинал. Всего вам хорошего. Служите с честью.

– Ну что ж? – Как бы посочувствовал Сергей Владимирович майору-связисту. – Одесский округ тоже неплохо. К морю, значит? Не подкачайте. Служите с честью.

Через несколько секунд бесцветные глаза подполковника скользнули по моему лицу и привычно упёрлись в правый погон.

– Постойте. – Опередил меня начпо. – Это же вас в гэсэвэгэ направляют?

– Так точно, товарищ подполковник! – Неожиданно выпалил я. – В группу советских войск в Германии.

Сергей Владимирович уже хотел озвучить заветную фразу «служите с честью», но в разговор вдруг вмешалась чересчур ответственная Софья Львовна:

– Как в гэсэвэгэ? У меня в учётах ограниченный контингент значит. Сороковая армия. Ошибки быть не может. Это же документы партийного учёта!

В глазах подполковника мелькнуло напряжение. В приёмной повисла неловкая тишина

...

Командир взвода лейтенант Захидов, которому я передал должность до прибытия заместителя, ужасно гордился и временным назначением, и приглашением на отвальную. Я специально усадил парня во главе стола, чтобы Вахид чувствовал себя поуверенней, а заодно поручил ему следить за полнотой посуды.

Комбат ещё не совсем прижился в офицерском коллективе полка и поэтому попросил меня ограничиться узким кругом гостей. Я не стал возражать: в канцелярии собрались офицеры батальона, а из «посторонних» – начальник полкового клуба Юра Опилкин. В нашей части служило немного «афганцев»: Алексей Будник, командир второй мотострелковой роты, и «массовик-затейник» Опилкин. Удивительно, но несмотря на то, что Алексей вернулся из-за речки с ранением и боевой наградой, а Юрка только с почётной грамотой Ленинского комсомола, именно он почему-то считался в полку самым настоящим «афганцем».

– Наливай, лейтенант. – Взглянул на Вахида комбат. – Чего водку-то греть? Тебе слово, Алексей. – Повернулся майор к Буднику. – Ты своё уже отдал. Напутствуй теперь. Как ротный ротного.

– Давай, братан, – встал из-за стола Лёха, – чтоб третий тост за тебя не поднимали.

– Так себе напутствие. – Заикаясь, произнёс майор. – Впрочем, нам, наверное, не понять. Не довелось покуда.

– А по мне в самый раз. – Благодарно взглянул я на Будника. – Жене слово дал.

– Ничего не поделаешь, – с видом знатока поддакнул Опилкин, – традиция есть традиция. Чокнулись, выпили, закусили.

– Жаль, что уезжаешь. – С сожалением произнёс комбат. – Нормальный ты мужик и ротный отличный... Как с билетами? Успел взять?

– С билетом. – Поправил я уже бывшего командира. – В один конец, потому что. В воскресенье взял. Вылет завтра вечером. Провожать не надо. Жена проводит.

– Никогда не говори: «В один конец». – Снова встрял начальник клуба, поправляя очки. – Примета плохая. Вот когда заменяться будешь, тогда можно. Даже нужно. А так ...

– Надо же? – Картинно вскинул брови Лёха. Он терпеть не мог Опилкина и иногда срывался. – Что-то я не слышал про такую примету.

– Ну да. – Ничуть не смутился Юра. – Ерунда это. Я так, на всякий случай предупредил. Бережёного Бог бережёт. – Он подцепил вилкой кусочек копчёной скумбрии и, внимательно рассмотрев его сквозь очки, продолжил голосом заботливого наставника. – Прилетишь в Ташкент, не вздумай морс пить. Им прямо из бочек торгуют. Как у нас квасом или пивом. Вкусный, зараза, и почти ледяной ...

– Если вкусный и ледяной, то почему бы не выпить? – Удивился комбат. – Не водка же. На подвиги не потянет.

Начальник клуба взглянул на Будника, как бы заручаясь поддержкой:

– За речкой говорят: «Между первой и второй, промежутки небольшой». Верно, братан? Лёха согласно кивнул, мол, твоя правда. Майор тут же подмигнул лейтенанту:

– Чего сидишь? Такими темпами мы до утра здесь засидимся. Наливай! Проводы должны быть короткими. Начпо долго с вами прощался? – Взглянул он на меня. – Или рукопожатием ограничился? Кстати, как с квартирой? Порешал?

– Вроде того. – Нехотя ответил я. – Начальник политотдела большой души человек. Всё по полочкам разложил. Может, лучше выпьем?

Захидов взял початую бутылку «андроповки» и на слух наполнил посуду.

– Молодец! – Похвалил Юра. – Далеко пойдёшь. – Зачем-то понюхав водку, взглянул на комбата. – В том-то и проблема, Сергей Викторович, что ледяной морс на жаре через минуту потом на рубашке выступает. Чем больше пьёшь, тем сильнее потеешь.

– Очкастый правду говорит? – Вопросительно взглянул на лейтенанта Глушаков.

Лицо молодого узбека зарделось, глаза засветились гордостью. На несколько секунд в канцелярии воцарилась тишина: все внимательно смотрели на Вахида, как будто от его ответа зависело что-то очень важное.

– У нас говорят: «Чай не пьёшь, откуда силы берёшь?» – Изрёк Захидов с видом восточного мудреца. – Морс для приезжих. Чужих, короче. Наш народ от жары холодным зелёным чаем спасается ...

Комбат поперхнулся от неожиданности. Прокашлявшись, он строго посмотрел на парня:

– Ты, это... лейтенант! Заканчивай, мне. У нас один народ, советский.

Обстановку разрядил Будник. Он сам наполнил кружки и, поднявшись из-за стола, тихо и торжественно произнёс:

– Третий, мужики. Молча и не чокаясь. Помянем ребят ...

Проводы действительно получились короткими. Где-то через час комбат взглянул на часы и поднялся из-за стола.

– Посидели и хватит. Ты вот что, капитан. – Посмотрел майор на меня. – Солдат своих береги. Их жизни дороже всех революций. Помни, что каждого мать ждёт.

Глава 3. Попутчики

Сославшись на поздний рейс и дороговизну такси, я настоял, чтобы Саша не ехала в Калининград, а проводила только до автостанции. Впрочем, настоящая причина крылась в другом: жена по-прежнему не была готова к долгому расставанию, то и дело срывалась на плач, так что ожидание обернулось для меня самой настоящей пыткой. Наверное, мне следовало набраться терпения и пройти неожиданное испытание до конца, но происходящее настолько

давило на нервы, что я не выдержал и выехал в областной центр на два часа раньше оговорённого времени.

«Комбат на отвалной правильно сказал: провода должны быть короткими. – Думал я, выходя из автобуса. – Даже представить не мог, что Саша так отреагирует. За пять лет нам нередко приходилось расставаться, могла бы привыкнуть. Понятно, что Афган – не Кяхта с Наушками. Может, предчувствие? Тогда почему я ничего не чувствую, кроме желания поскорее добраться до места? Или мужику не дано? Что-то меня не в ту сторону понесло. До вылета ещё больше трёх часов. Надо подумать, чем себя занять, иначе не успокоюсь. Главное, понимаю, что поступил правильно, а на душе всё равно погано. Как будто сбежал. Впрочем, зачем себя обманывать? По сути, так оно и есть».

Заметив в дальнем углу зала газетный киоск, я несколько воспрянул духом и не спеша направился к нему.

– Добрый вечер. «Огонёк» есть?

– Откуда? – Почему-то обиделась киоскёр. – Раз в неделю утром привозят три экземпляра. Я ещё в накладной не расписалась, а аэропортовское начальство уже тут как тут. Дефицит.

– Понятно. «Комсомольская правда»?

– Нет. Сегодня вообще не завозили.

– Может, «Советский спорт» или «Футбол-Хоккей»? Еженедельник такой.

– Знаю. – Отрезала женщина. – Не первый год в «Союзпечати» работаю. Что-нибудь полегче спроси. Есть «Калининградская правда», журнал «Юный натуралист» и один экземпляр «Советской Литвы». Всё перед вами. Брать будете?

– Буду. Дайте «Юный натуралист».

В ожидании главное – найти, чем себя занять, тогда оно не будет тянуться мучительно медленно. Журнал для любознательных школьников оказался интереснее, чем предполагалось, однако на три часа его не хватило: я уже повторно дошёл до середины, и только тогда пассажиров рейса Калининград – Ташкент пригласили на регистрацию.

«Народу немного. Едва три четверти наберётся. – На глаз прикинул я количество попутчиков, устраиваясь в кресле зала-накопителя. – Может, повезёт и ко мне никого не посадят? Всё-таки шесть часов с двумя посадками лететь».

– Фууу! Душно... – Выдохнул полный лысый мужчина, присаживаясь рядом. – Могли бы и кондиционером оборудовать. В Европе в каждой деревне кондиционеры имеются, а у нас всё на людях экономят, твою мать! Терминал свежий, всего лет шесть-семь назад в эксплуатацию ввели, а из удобств только кресла. А вдруг мне в туалет захочется? Что тогда? Под себя ходить?

– Может, просто забыли включить или сломалось что-нибудь? – Из вежливости поддержал я разговор. – Кстати, туалет, по-моему, здесь есть...

– Как же, сломалось! – По-настоящему рассвирепел мужчина. – Небось, в депутатском зале всё как положено, а для народа и так сойдёт. Впрочем, нам сейчас грех жаловаться. Вот приземлимся в Форт-Шевченко, посмотрим, как вы запоёте. Я в конце мая тоже этим рейсом в Ташкент летал. В командировку. Представляешь? Ночью трёх пассажиров прямо в зале ожидания тепловым ударом звездануло. Ночью! А что про день говорить? Это же Мангышлак, пустыня сплошная. Хочешь не хочешь, а задумаешься, вдруг при аэропорте морг предусмотрен?

– Так я не жалуясь...

– Первый раз на самолёте летишь? – Перешёл на «ты» попутчик, одарив меня покровительственным взглядом.

– Ага. – С простодушным видом соврал я и, не удержавшись, добавил. – Так-то больше на дирижабле или на воздушном шаре летать приходилось.

Мужчина нахмурился, пожевал губами, видимо, собираясь с ответом, но вдруг поднялся и, не оглядываясь, ушёл в глубь зала.

Ту-134, или, как его любовно называют в гражданской авиации, «маленькая тушка», гостеприимно распахнул двери: стюардесса, сияя доброжелательной улыбкой, пропустила нас в прохладный, пахнувший искусственной свежестью салон. «Хорошо, что лысый соседом не оказался. – Подумал я, опускаясь в кресло. – Какой-то он чересчур злой. Настроение и так не фонтан, а с ним вообще хоть вешайся. Ладно. Забыли. Хорошо, что пассажиров не полный комплект. Вдруг соседнее место свободным окажется? Можно будет поудобнее устроиться, а то тесновато».

– Простите, пожалуйста. – Раздался над головой слабый женский голос. – Вы не пропустили? Моё место около окошка.

«Не всё коту масленица. – Усмехнулся я про себя, помогая с вещами, а заодно украдкой присматриваясь к попутчице. – На взгляд за тридцать пять. Пожалуй, ближе к сорока. Кольцо на пальце. Значит, замужем. Выглядит неважно, как будто устала. Короче, нормальная тётка. Ещё б молчала всю дорогу. Но это уже совсем из области фантастики».

К моему удивлению, за весь полёт до Форт-Шевченко мы обменялись с соседкой лишь парой-тройкой ничего незначащих фраз. И только когда стюардесса попросила пассажиров выйти из салона, женщина взглянула на меня и попросила всё тем же слабым голосом:

– Простите, вы не могли бы купить мне холодной «Фанты» или «Кока-Колы»? Ужасно хочется. Сейчас я дам вам ...

– Денег не надо. – Отмахнулся я. – Вопросы в том, разрешат ли вам остаться в самолёте и есть ли в продаже напитки.

– Не стоит беспокоиться. Со старшим бортпроводником я уже договорилась, а напитки мы с мужем всегда покупаем именно здесь.

– Тогда вопросов нет.

Тёмная южная ночь буквально окатила меня жарой. «Пожалуй, лысый прав. – Подумалось мне. – Впрочем, ничего удивительного. Пустыня есть пустыня. Ничего, внутри должно быть прохладно. Странно только, что там темно».

В небольшом зале местного аэропорта царил невыносимая духота и какая-то сумеречная темнота: лишь на прилавках киосков горели допотопные керосиновые лампы. «Вот это номер!» – усмехнулся я и тут же услышал знакомый сердитый голос.

– Ну что я говорил? – Тяжело дыша, обратился ко мне лысый попутчик. – Никому до нас нет дела, твою мать! Зажрались старые пердуны. Только нахваливают друг-другу и орденами обвешиваются. Ну ничего. Новый генсек наведёт порядок, разгонит болото. Нечего здесь делать, товарищ капитан. Пошли лучше на свежий воздух. Хотя назвать его «свежим» язык не поворачивается.

– Я сейчас. Только газировки куплю. Соседка попросила.

Пассажиры, не вытерпев испытания духотой, столпились у трапа задолго до начала посадки.

– Ты только помоги мне подняться, капитан. – С трудом шепнул лысый. – Сердце расшилилось. Видать, давление зашкаливает.

– Может, вам скорую вызвать? На вас лица нет.

– Думаешь, в этом «кишлаке» есть нормальная больница? Нет уж. Лучше я в самолёте коньки отброшу. Там, по крайней мере, прохладно.

– Простите, не смог купить вам «Колы». – Виновато признался я. – Авария на линии. Свет только в диспетчерской. Даже если бы продавщица согласилась продать, то пить газировку всё равно невозможно. Кипяток.

– Меня Надеждой зовут. – Невпопад представилась женщина и вдруг чихнула, не успев прикрыть рот платком. – Извините, с утра что-то нездоровится. Еле до аэропорта добралась. Не купили и не надо. Стюардесса обещала у себя в заначке поискать. Ничего не поделаешь, кругом блат. А как вас зовут? Если не секрет.

Я назвал. Надежда машинально кивнула и продолжила:

– В Ташкент за сыном лечу. Мы его на лето к бабушке с бабушкой отправили. Мой папа – генерал. Вышел на пенсию и остался в Ташкенте. У родителей квартира хорошая в центре и дача недалеко от города. Все условия для ребёнка. А вы, наверное, в командировку? Или переводом?

– В командировку. – Ответил я и замолчал, не понимая, стоит ли продолжать.

Попутчицу совершенно не интересовали мои ответы. Вероятно, она была из тех людей, которым нужны только слушатели. Порывшись в сумочке, Надежда достала фотографию и, взглянув, протянула мне:

– Вот, мой сынок. Ему только восемь. Мы поздно его родили. Муж не хотел сейчас забирать, ведь ещё половина лета впереди, но я настояла. Видите ли, маму на операцию кладут, а папа не может разорваться. – Она снова чихнула, прикрывшись на этот раз платочком, и не к месту добавила. – Мой муж – майор, в штабе армии служит. Он не смог полететь. Понимаете? В штабе распределяют земельные участки под дачи. Виктору пришлось остаться, чтобы держать руку на пульсе. Четвёртый год на очереди. Что-то мне совсем нехорошо.

Подробности личной жизни генеральской дочки начали меня раздражать, однако последняя фраза не могла не вызвать сочувствия. Я внимательно посмотрел на соседку. Её глаза лихорадочно блестели, а на лбу выступили капельки пота.

– Послушайте, Надежда, а вы не взяли с собой в дорогу каких-нибудь таблеток? У вас, по-моему, высокая температура.

– Не взяла. – С сожалением призналась попутчица. – Я в принципе не болею. Думала, что просто устала, да и билет достался с таким трудом. Даже папу пришлось подключать. Ну как мне было не лететь?

– Вы посидите. – Произнёс я, поднимаясь с места. – Я сейчас товарища своего проведаю и вернусь. Ему тоже нездоровится.

«Ну и попутчики мне достались! – Раздумывал я, направляясь к отсеку бортпроводников. – Один как бы борец с привилегиями, а другая ... как это поточнее? Наверное, потомок потребителя привилегий. Можно сказать, живут на разных полюсах, а заболели в один день. Почти как в том дурацком пожелании жениху и невесте. Какая чушь в голову лезет! Скажу бригадиру, чтоб в диспетчерскую сообщил».

Глава 4. Здравствуй, Ташкент!

Перелёт от Форт-Шевченко до Ташкента порядком вымотал меня. Надежде стало хуже, её измучила жажда, а мне было неудобно постоянно вызывать стюардессу, поэтому я постоянно навевался в служебный отсек то за очередной порцией холодного напитка, то за горячим чаем. По пути я иногда навещал лысого попутчика, который оказался Василием Васильевичем, а заодно очень стойким человеком. Он старался не показывать вида, что сердце по-прежнему «шалит», и упрямо оказывался от предложения вызвать к самолёту скорую помощь. Бригадир по непонятной мне причине принял отказ Василия Васильевича с видимым удовлетворением, и мне пришлось прибегнуть к недвусмысленным угрозам, чтобы он всё-таки соизволил сообщить командиру о том, что на борту находится не один больной, а «целых» два. Казалось бы, какое дело старшему стюарду, сколько больных пассажиров передавать докторам? Его дело десятое. Но нет, упёрся. Видимо, и на этот случай инструкция прописана.

Как бы там ни было, но спускался я по трапу с гудящей головой и чувством выполненного долга. Тепло попрощавшись с присмиревшим Василием Васильевичем и пожелав скорейшего выздоровления измученной попутчице, я направился к стоянке такси. Мне оставалось сделать

буквально несколько шагов до «Волги», как вдруг я почувствовал на своём плече чью-то руку. Оглянувшись, увидел запыхавшегося старшего лейтенанта с лётными эмблемами на погонах.

– Что случилось? – Осмотрев наглеца с ног до головы, сердито поинтересовался я. – С вами всё в порядке? Или перепутали с кем-нибудь?

– От самого аэровокзала бежал. – Светло улыбнувшись, невпопад ответил парень. – Может, на «ты» перейдём? Устанем ведь друг с другом по уставу общаться. Не на службе, в конце концов.

Не знаю почему, но лётчик мне как-то сразу понравился. Бывают люди, которые с первых секунд знакомства вызывают симпатию. Видимо, незнакомец принадлежал к их числу. «Хоть с этим попутчиком повезло, – подумалось мне, – летуну точно помощь не потребуется. Не зря говорят, что оптимисты редко болеют. А из него оптимизм так и прёт».

– Ну и жара! Давай на «ты», я не против. Чего бежал-то?

– Меня Евгением зовут. Для тебя просто Женя. За речку, капитан? Куда? Лично я в Баграм лечу.

Я представился и, достав из примятой пачки сигарету, ответил небрежным тоном:

– Ну да, за речку. Откомандирован в состав контингента. А ты почему не на самолёте? Лётчик как никак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.